

Международной конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной 80-летию Юргена Хабермаса, заседания которой проходили во Вьетнаме и в России.

В традиционных для альманаха рубриках «Галерея», «Антропология», «Парадигмы и процессы», «Игра в бисер», «Тропы метода» представлены оригинальные взгляды авторов на историю философской мысли, логическое моделирование формальной аксиологии, проводится дискурс-анализ текстов и концептов.

Особый интерес для читателей может вызвать статья наших коллег из Словакии доктора философии Катарины Мотыковой и магистра Нины Цингеровой, посвященная анализу концептуальной метафоры «Иван» в дискурсе СМИ.

Мы надеемся, что материалы настоящего выпуска альманаха станут стимулом для дальнейших дискурс-исследований новых реалий обновляющегося мира.

Желаю всем успешных и плодотворных погружений в разнообразные виртуальные миры.

Л.М. Андрюхина

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Андрюхина
Людмила
Михайловна

доктор философских
наук, профессор Ураль-
ского Гуманитарного
Института,
ученый секретарь УрО
РАО, академик МАДИ

Последние во многом меняют сознание человека, которое становится обрывочным, клиповым, т.к. погружается в среду с большой сменой перспектив и смыслов. В конституировании последних ведущую роль начинает играть техника.

Во многом характеристики клиповости были характерны и при доминировании телевидения как средства массовой коммуникации. Однако телевидение делало человека пассивным получателем информации, а в Интернете, сетевых играх человек приобретает возможность менять среду.

Слово «виртуальный» уже стало обыденным. Поначалу (если исключить из внимания средневековую традицию и начать рассмотрение с XX века) оно обозначало трехмерную симуляцию, в которую погружается человек посредством компьютерных технологий, что очень наглядно демонстрировали художественные фильмы. Однако виртуальной средой стали называть и сеть Интернет, в которой население развитых стран проводит все больше времени, а часто даже большую часть суток.

«Жизнь» на плоскости монитора компьютера накладывает свой отпечаток и на философские исследования. Электронные средства коммуникации изменяют взаимоотношения между людьми. Современное общество принято называть постиндустриальным или же информационным. Такой подход маркирует смену доминирующего способа производства (технологий) и коммуникации.

Для описания новой информационной реальности можно прибегнуть к феноменологическому описанию. Его суть в том, чтобы рассматривать предмет как интенциональный коррелят Я вне онтологической проблематики. Тогда нужно использовать понятие симулякра. Последний не имеет соотносительности с реальностью (денотатом), в отличие от знака. [См., напр.: 1]. Однако если исследователя интересует взаимосвязь и генезис виртуальности и повседневности, то необходим постфеноменологический подход.

Постфеноменология

Феноменология в своем развитии прошла ряд трансформаций. Классический период (Э.Гуссерль и М.Хайдеггер) сменился нефеноменологией (Ж.-П.Сартр и М.Мерло-Понти), источник смыслообразования сместился с Я в сторону взаимодействия

с Миром. Сартра и Мерло-Понти не устраивало решение проблемы Другого классиками движения. Французские феноменологии решали проблему Другого на основе фактичности бытия-в-мире. Конечно, Ж.-П.Сартр и М.Мерло-Понти во многом полемизируют друг с другом. Но в главном они сходятся.

Если первый разделяет бытие на два региона – бытие-в-себе и бытие-для-себя, то второй пишет о теле как присутствию в мире, посредством которого мир и познается. «Собственное тело, - пишет М.Мерло-Понти, - занимает в мире то же место, что и сердце в организме: оно постоянно поддерживает жизнь в видимом нами спектакле, оно его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [2; 261]. Сартр же разделяет бытие на два региона: бытие-для-себя (сознание) и бытию-в-себе, которое без сознания «пустое», в котором нет никаких различий. Если сознание – это бытие-для-себя, вносящее ничто и различие в мир, в бытие-в-себе, то опыт бытия-для-другого – это столкновение с активностью по ничтожению и различению, источником которого Я как бытие-в-себе не являюсь. «Другой присутствует для меня повсюду как то, посредством кого я становлюсь объектом» [3; 302]. А Мерло-Понти пишет: «Мой взгляд падает на живое действующее тело, и тотчас объекты, которые его окружают, дополняются новым пластом значений: они не являются больше тем, что я мог бы сам сделать из них, они являются тем, что поведение другого сделает из них» [2; 448].

Переход к постфеноменологии связан с фундаментальными сдвигами в философии, с реакцией на постмодернизм. Джеймс Менш критикует постмодернизм за не последовательность. С одной стороны, представители этого направления выступают противниками фундаментализма, т.е. выведение знания из какого-либо основания. Однако, с другой стороны, используют в качестве основания отсутствие. Это хорошо заметно на примере философии Деррида, когда он из исследования языка исключает сознание как зеркало или эталон, с которым язык должен соотноситься. «Постмодернистская попытка использования отсутствия как основания выглядит как кульминация модерна» [6; 9].

Однако телесность выступает как присутствие. Но телесность – это не основание. В фундаментализме основание выпадает из рассмотрения. Оно само выступает как непосредственное, в чем дана сущность вещей. «Исторически говоря «фундаментализм» отсылает к модернистской попытке добраться до корней вещей, до их оснований или истоков» [6; 4].

Менш считает, что нужно отказаться от отношения основания и основанного (ground-grounded relation) [6; 6]. Чтобы избежать такого отношения, самость должна рассматриваться, как «место», где окружающая действительность может стать присутствием (себя явить) [6; 11]. Без самости среда не может себя явить. Цвет, например, может существовать только в глазу. Чувственные данные и их получатель определяют друг друга. Поэтому можно говорить не об основании, не о самостоятельном бытии феноменов, а о модусе их данности [7], о структурах, образуемых инстинктами [6; 35-52].

Дон Айди исходит из децентрации чувственного восприятия. На примере объемных геометрических фигур он показывает, что под разными углами они воспринимаются по-разному, что нельзя дать одну интерпретацию их формы [5]. Восприятие многомерно. Такой подход он называет феноменологической деконструкцией. Кроме того, Айди вводит понятие технологической интенциональности, чтобы показать, как технологии участвуют в конститутивном процессе, во взаимодействии с миром.

В технологической интенциональности он выделяет три элемента. Во-первых, это воплощенное (embodiment) отношение или инструментальная интенциональность, которая редуцирует использование инструмента до нейтрального посредника в выполнении какой-либо работы [4].

Другим элементом технологической интенциональности является герменевтическое отношение. Это отношение направляет свой взор на связь человека с инструментом. С одной стороны, например, автомобиль позволяет передвигаться быстрее, но, с другой, он негативно влияет на экологию

[4]. Поэтому если оценивать роль технологии в обществе, то нельзя сказать, что она положительна или негативна. Можно лишь сказать, что она нейтральна. Третьим типом отношений является отношение с «другим» (alterity), т.е. отношение к технологии как к тому, чем ты не являешься.

Виртуальность

Однако если быть до конца последовательным, то нужно исследовать, как сознание становится многомерным, какие структуры участвуют в формировании феноменов. Технологическая интенциональность является частным случаем опосредующего действия и взаимодействия. Рождаясь, человек действует в рамках природной схемы «стимул-реакция». Возможны существенные задержки между стимулом и реакцией. Но человек вырывается из этой схемы через опосредующие элементы. Они расщепляют природную интенциональность – направленность биологического организма на природный объект. Появляется социально обусловленная направленность, которая появляется во взаимодействии людей. Благодаря воображению возникает возможность представить один объект вместо другого. Слово «дерево» отсылает к интенциональному объекту в природе.

В истории западной цивилизации воображение постепенно вытеснялось из взаимодействия людей и освоения природы. Разум – это социальная интенциональность, рассматриваемая вне своего генезиса. На начальном этапе люди жили «среди» мифических существ. Это результат работы воображения, без которого никакой бы второй интенциональности не было. Далее происходит отрыв социальной интенциональности от своего генезиса через столкновение с закодированными смыслами. Сначала это происходит через письменность. Требуется меньше воображения, а больше усвоения. Воображение перемещается на страницы книг. Кроме того, формируется монотеизм, переходящий в деизм и атеизм. Далее воображаемые существа переселяются на радио и телевидение. В этом же ключе можно рассматривать театр и кино.

Воображение как экзистенциал, т.е. укорененность в бытии обозначает целый титул взаи-

модействий. Воображаемая смерть, измена, ревность, радость и др. Интенциональная структура человека раскрывает три региона его присутствия: природу, социум и имагиум (от англ. и фр. image). Это параллельные пространства, в которых человек может пребывать одновременно, они сходятся на нем.

Виртуальная реальность – это один из видов имагиума, в котором человек перестает быть пассивным наблюдателем. Активность осуществляется в пространстве электронных посредников, которые позволяют сделать его «вещи» независимыми от социума и природы. Собственно, виртуальная реальность появилась как результат работы разума по освобождению от природы и социума. Разум приручал буйство природы, разрушал традицию, а затем восстал против социальных институтов модерна, созданных им самим, что выразилось в постмодернизме.

Разрушительный заряд разума связан с его локализацией в индивиде. Традиция и социальные связи всегда принудительны для индивида, которого западное общество сделало самодостаточным носителем логоса. А виртуальная реальность предоставляет пространство для такой свободы. Можно менять ники, пол и пр. в максимально короткие промежутки времени. Переписка в чате может осуществляться под вымышленным именем или настоящим, но их онтологический статус абсолютно одинаков. Хотя здесь уместно говорить не об онтологии, а об онто-пато-логии, основными понятиями которой выступают «событие» и «событие».

Можно выделить сущностные черты виртуальной реальности, добытые при помощи постфеноменологического разыскания. Во-первых, это событийность природе и социуму как традиционной коммуникации «лицом-к-лицу», не исключая электронных посредников. Виртуальная реальность не является посредником, через который общаются, она является пространством взаимодействия. Театр, в котором зрители становятся активными участниками постановок, нельзя отнести к виртуальной реальности, т.к. «вещи», используемые там являются событиями природы и социума. Это игра. Во-вторых, нельзя считать природу, социум

и имагиум регионами с жесткой границей. Это параллельные пространства, пересекающиеся в человеке. Например, социум не делает человека свободным от природы, люди продолжают болеть, испытывать сексуальное влечение и пр. Покинув общество и уединившись в лесу, не избавиться от социальной интенциональности, способности без непосредственного контакта рассматривать предметы природы. Присутствие в Интернете под разными никами позволяет быть разным в виртуальной реальности, но быть одним как часть природы и социума (не исключая многомерности последнего).

Литература:

1. Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва. 1999

2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб, 1999

3. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000

4. Ihde D. A Phenomenology of Technics // Philosophy of technology: the technological condition: an anthology. Ed. by Robert C. Scharff, Val Dusek. Wiley-Blackwell, 2003. – P. 507-529

5. Ihde D. Experimental phenomenology: an introduction. G.P. Putnam's Sons, 1977

6. Mensch James R. Postfoundational phenomenology: Husserlian Reflections on Presence and Embodiment. University Park: Pennsylvania State UP, 2001

7. Mensch James R. Post-modern Phenomenology, in Phdnomnologie und Postmoderne, ed. Ivan Blecha, Olomouc: Acta Univerzitatis Palackianae v Olomucensis, Philosophica, Vol. 6, 2005. – P. 221-235

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Малышев
Михаил Алексеевич

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

В последние годы термины *виртуальность* и производное от данного существительного прилагательное *виртуальный* (*ая*), (*ое*) буквально заполнили языки народов земного шара. Эта экспансия вызвана многими обстоятельствами: изобретением Интернета, вторжением в нашу жизнь мобильного телефона, неуклонным ростом технических и визуально-аудитивных возможностей средств массовых

информаций, а также повышением эвристических и практических функций прогнозирования многообразных вызовов, порожденных негативными последствиями антропогенной деятельности человека на природу, и несущих разнообразные угрозы жизни не только для нынешних, но и будущих поколений. Опасности, проистекающие из непредвиденных последствий непреднамеренного вмешательства человека в природу или накопления неконтролируемых побочных эффектов его деятельности, неожиданно суммируются и производят иллюзию потери опыта прошлого. Это создает впечатление незавершенности нашего существования и делает более очевидным, чем раньше, идею о том, что всякая «станция» прибытия в настоящее – это всего лишь транзитный пункт на пути следования в неизвестное, неведомое и виртуальное. Конденсация инноваций приводит к вторжению будущего в настоящее: прогнозы и проекты, нацеленные на грядущие преобразования, властно